

Лошакова Татьяна Витальевна

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РАССКАЗА ЯРОСЛАВА ИВАШКЕВИЧА "АИР"

В статье рассматривается спектр онтологических проблем, представленных в рассказе Я. Ивашкевича "Аир" и характерных для его малой прозы в целом. Специфика экзистенциальной проблематики рассказа "Аир" раскрывается в процессе сопоставления художественной концепции Ивашкевича с эстетическими принципами и представлениями о мире, свойственными Б. Паскалю, К. Ясперсу, М. Прусту, И. Бунину.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/33.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 124-126. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.162.1

Филологические науки

В статье рассматривается спектр онтологических проблем, представленных в рассказе Я. Ивашкевича «Аир» и характерных для его малой прозы в целом. Специфика экзистенциальной проблематики рассказа «Аир» раскрывается в процессе сопоставления художественной концепции Ивашкевича с эстетическими принципами и представлениями о мире, свойственными Б. Паскалю, К. Ясперсу, М. Прусту, И. Бунину.

Ключевые слова и фразы: Ивашкевич; «Аир»; проблематика; экзистенциальное сознание; пограничная ситуация; категория времени.

Лошакова Татьяна Витальевна, к. пед. н., доцент

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (филиал) в г. Северодвинске
tatyanaloshakova@yandex.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РАССКАЗА ЯРОСЛАВА ИВАШКЕВИЧА «АИР»[©]

Я. Ивашкевич (1894-1980 гг.), классик польской литературы XX века, был разносторонне одаренным художником: поэт, драматург, романист, мастер эссе и новеллистической прозы. Критики неизменно указывали на присущий его произведениям лиризм, интерес к проблемам философского характера, к психологии человека. В целом же творчество писателя оценивалось как яркий образец искусства социалистического реализма [3; 7; 9]. В последние десятилетия, когда как польское литературоведение, так и отечественная полонистика избавились от социологизированного подхода к интерпретации художественных явлений, возрос интерес к философской составляющей текстов Ивашкевича.

По словам же самого писателя, он никогда не был ни моралистом, ни философом. Однако творчество Ивашкевича и, в частности, рассказы, составившие существенную часть его литературного наследия, убеждают в обратном. В центре их – проблемы философского плана: размышления о смысле бытия, о «таинственных нитях», связующих «конец с началом», смерть с жизнью [5, с. 277]; об онтологическом опыте человека, приобретаемом в жизненных странствиях и несущем на себе «отпечаток смертного пути» [Там же, с. 280]. Все это вопросы сложные, трагичные в своей сути. Но, запечатлевая их в своих рассказах, Ивашкевич не перегружает текст отвлеченным интеллектуализмом: «проблемы человеческого бытия он ставит не назидательно, не абстрактно, а воплощает их в живых образах, подмечая тончайшие оттенки человеческой психологии и поведения, исследуя повседневно текущую обычную жизнь» [3, с. 15].

Определенное влияние на прозу Ивашкевича, на философию его творчества оказал М. Пруст, бывший в пору юности польского писателя одним из его литературных кумиров. Критики неоднократно указывали на тематическую близость произведений двух художников, на их общую увлеченность идеями А. Бергсона и обусловленный этими идеями интерес к категории времени, к феномену «субъективной личной памяти», посредством которой осуществляется поиск утраченного прошлого, столь значимого для формирования глубинного «я» человека, его экзистенции. «Хотя внешний объем их сочинений, – пишет Е. Домагальский, – многотомная эпопея – с одной, и короткие рассказы, с другой стороны, – не подлежат сравнению, но все же большое количество аллюзий и наличие различных связей позволяют это родство обнаружить и очертить» (*Перевод выполнен автором – Т. Л.*) [8, с. 105].

Думается, что с Прустом Ивашкевича в первую очередь сближает экзистенциальное видение мира, обостренное чувство красоты мира и жизни – хрупкой, эфемерной, подвластной времени и тлену.

В концентрированном виде это мироощущение представлено в рассказе Ивашкевича «Аир», который повествует об экзистенциальном одиночестве рядом с «другими», о поздно пришедшей любви, о жизни, которая «так легко может стать смертью» [5, с. 288]. Идею конечности, завершенности круга земного бытия позволил воплотить автору образ речной травы (aira), обладающей странной способностью – источать «два запаха»: «Если потрогать его яркую рифленую стрелку, почувствуешь едва уловимое дыханье —вды под сенью верб», как говорил Словацкий, – чуть отдающее ароматом нарда. Но если растереть волокно аира на ладони и вдохнуть запах <...>, то, кроме аромата ладана, можно почувствовать и тяжкий дух болотного ила, гниющей рыбьей чешуи, запах болота. <...> В годы моего детства на тропицу айром устилали полы в сенях и на верандах, он был полновластным хозяином этих светлых летних праздников. Но мне он всегда напоминает и о смерти моего первого друга, со странным именем Грациан, который утонул в тринадцать лет. <...> Конец всегда какими-то таинственными нитями связан с началом. Запах, памятный с детства, как бы воскресает в старости, юность отражается в зеленом зеркале зрелости» [Там же, с. 277].

Травяной запах, дав толчок памяти, вызывает к жизни «магическое сцепление ассоциаций», и на их основе вырастает «здание воспоминаний» (М. Пруст). После экзистенциального обобщения, до уровня которого позволил возвыситься повествователю приобретающий символические смыслы образ аира, следует его рассказ о случае из жизни пани Марты; о нем она сама поведала автору – «недавно, после того как у нее были обнаружены симптомы неизлечимой болезни» [Там же, с. 279]. Очевидно, что составившая сюжетную

канву история пани Марты органично прорастает все из той же ассоциативной логики, и образ аира становится основным лейтмотивом в тексте рассказа, где временной субстанцией является память, стирающая границы времени и пространства.

В основе рассказа – экзистенциальная «пограничная» ситуация с присущими ей состояниями страдания, вины, страха смерти. Такого рода ситуации, пишет К. Ясперс, «не изменяются (разве лишь внешне); относясь к нашему бытию, они являются окончательными. Они необозримы: в нашем существовании мы не видим за ними ничего прочего. Они представляют собой стену, на которую мы наталкиваемся, о которую разбиваемся. Нам нужно не изменять их, а лишь добиваться их ясности, ибо мы не в силах объяснить их, вывести из чего-то другого. Они существуют наряду с самим нашим бытием» [Цит. по: 2, с. 85]. Вместе с тем, по убеждению К. Ясперса, только в «пограничных» ситуациях, которые потрясают жизнь человека до самых основ, индивид может осознать свою сущность как конечную экзистенцию.

Именно в такой ситуации, в состоянии потерянности пребывает пани Марта. Ею давно овладело «ощущение бессмысленности существования»: совместная жизнь с мужем «утратила для обоих всякий смысл»; сыновья погибли во время войны, теперь «комната мальчиков закрыта на ключ», и осталось щемящее чувство вины: «Мне стыдно жить. Мне стыдно жить, как только я подумаю про всех умерших, а как вспомню своих...» [5, с. 288]. Но она живет, не умея «заполнить пустоту», обреченная возрастом («когда я вижу молодую жизнь, мне почему-то бывает ужасно стыдно») и болезнью. А рядом – чувственная красота мира: речное «могущество и грозный натиск вод, зелень луговины, столетний тополь, озера и бочажки, заросшие камышами и ряской. Пани Марта очень любила постоять возле таких маленьких водоемов, темных и необыкновенно глубоких. Больше всего манили ее к себе <...> —она», окруженные переплетением ив, заросшие аиром, словно бы спрятанные от человека, они притягивали его своей таинственностью и тем, что на их берегах с особой полнотой ощущалось одиночество. Словно бы круг жизни, разомкнувшись, выпускал вас» [Там же, с. 283].

Примечательно, что пейзаж в прозе Ивашкевича, как и у Пруста, обладает философской значимостью. Моменты, когда человек постигает красоту, наполняющую мир, – это моменты соприкосновения его субъективного «я» с тайнами и философскими истинами, сокрытыми в глубинах внешней действительности. Метафорический смысл образов природы приобретает в контексте рассказа экзистенциальное звучание. Так, река, подобная текуче-ускользающему бытию, казалась Марте «неприступной для человека. Но стоило спуститься к воде – и сразу все отступало: и дома и люди» [Там же, с. 282]. Гладь водных окон, обрамленных аиром, открывала Марте некое новое пространство – пространство времени бесконечного, космического.

Образ реки (воды), выполняющий, как и образ аира, функцию лейтмотива, значим для сюжетного построения рассказа. Он предопределяет развитие многих событий. На «пристани» происходит случайная встреча пани Марты с Богуславом – «юношей, почти мальчишкой, моложе ее собственных детей», который «одним своим появлением <...> вдруг изменил все» [Там же, с. 291]: заставил ее испытать чувство любви – последней, мучительной, нелепой, лишённой будущего. Речной пляж оказывается местом, где происходит их единственное свидание в «канун троицы», когда с луговины, с реки мальчишки несут аир «для украшения жилищ»; в «темной воде» озера, со «снопом сорванного аира» в руках, нелепо погибнет Богусь. И его тело, лежащее на песке, «возле охапок аира», будет «все больше обволакивать пелена неподвижности и отчуждения»: «все человеческое покидало его. <...> Холодное – застывшее, похожее на мрамор тело пахло аиром» [Там же, с. 297]. Река (вода), аир являются и мифопоэтическим стержнем художественного мира рассказа, элементами его сакральной топографии. Они олицетворяют движение жизни, которая возвращается к прошлому и вместе с тем неумолимо стремится вперед, чтобы раствориться в вечности, быть поглощенной смертью, забвением.

Экзистенциально-философское содержание рассказа акцентировано и в его заглавии, которое, как известно, призвано выполнять функцию прогнозирования содержания текста, выделять в нем что-то наиболее значимое [1, с. 225, 428]. В заглавии «Аир» можно усматривать аллюзию на книгу Б. Паскаля «Мысли»: человек – «тростник»; невероятно хрупкий, он сопротивляется хаосу, катастрофичности бытия, преодолевает состояние страха и приобретает истинное знание благодаря «интуиции сердца», эмоциональным переживаниям, которые помогают не только осмыслить бесконечное, но и смириться с ним. Величие человека, по Паскалю, состоит в том, что в основе его стремлений – добро, красота и любовь.

В рассказе нашла отражение и мысль, органичная для художественной антропологии И. Бунина, который «устанавливает факт онтологического равновесия бытия, где организм мирового устройства, все обрекающего на смерть, уравновешен эгоизмом жизни, отторгающей от себя смерть. Факт нашей смерти не может стать фактом нашего сознания. Это святой инстинкт самосохранения живого перед неизбежностью смерти» [4, с. 212]. Марта интуитивно сопротивляется времени, в какой-то момент начинает избегать воспоминаний: «они старили ее, воскрешая то, что обратилось в прах. А в душе пани Марты еще теплилась какие-то надежды, связанные с настоящим» [5, с. 281]. Она пытается спасти Богуся, но в то мгновение, когда понимает, что «сильные руки» тонущего неумолимо тянут ее на дно, делает отчаянный рывок вверх – к жизни, убегает от смерти, которая вскоре однако «должна была стать и ее уделом» [Там же, с. 297].

Одна из ключевых проблем «Аира» – проблема человека, который оказался один на один с неотвратимостью возраста и времени, – находит отражение во многих новеллах Ивашкевича. Размышлениями о законах времени и связанных с ним закономерностях жизни насыщены, к примеру, такие произведения писателя, как «Березняк», «Сады», «Serenite», «Барышни из Волчинок». Природа времени интересна Ивашкевичу

не менее, чем Прусту, который делает время «главным героем своего романа» и рассматривает его «и как физический, и как исторический феномен» [6, с. 464].

С прямой отсылки к Прусту начинается рассказ Ивашкевича «Сон-трава»: «С давних пор всем пишущим известно, что существуют слова-ключи. Прочитанные или услышанные где-то, они пробуждают бесконечную вереницу воспоминаний. Кто знает, в самом ли деле вкус пирожного — *mdeleine*» невольно заставил Пруста заглянуть в гигантскую бездну времени. Мне кажется, что скорее само звучание слова — *mdeleine*» помогло воспоминаниям прорвать сковавшую их плотину» [5, с. 549]. В этой авторской преамбуле – попытка расширить возможности механизма «воскрешения памяти», некогда предложенного и детально описанного Прустом в книгах «Против Сент-Бёва» и «По направлению к Свану». Он усложняет прустовскую формулу телесной памяти («памяти боков, колен, плеч»), добавляя к ней еще одну составляющую – слова, наделенные той же иррациональной способностью распахивать «дверь» в прошлое. Функцию знаменитой прустовской чашки чая, из которой выплыл весь Комбре, у Ивашкевича берет на себя слово «сон», случайно встреченное в книге и употребленное в необычном сочетании: «говорилось о лиловых снах в кувшинчиках на окнах. Это была неверно истолкованная фраза. На самом деле речь шла не о снах-грёзах, а о цветке, который по-русски называют –еон» или «еон-трава»» [Там же].

Цветок становится связующим звеном между настоящим и прошлой жизнью. Оживают в памяти вагнеровские «Сны» – песня, в которой «есть что-то от весенней сон-травы» [Там же, с. 550]; старая фотография, запечатлевшая его школьных друзей вместе с «огромными букетами сон-травы» [Там же], Пуща Водица, первая любовь, необыкновенно яркие полудетские впечатления, старый дом и милые лица людей, которых давно поглотило небытие. Подобно Прусту, Ивашкевич убежден: познать мир как таковой и себя в мире человеку помогает прошлое, осознанное и пережитое памятью.

Итак, можно говорить о том, что Я. Ивашкевич – писатель-реалист с экзистенциально направленным мышлением. Он принадлежит к тому типу художников, которых называют «исследователями экзистенции» (М. Кундера). Экзистенциальная проблематика является основополагающей не только в рассказе «Аир», но и во многих других произведениях малой прозы писателя. Его интересует характерная для экзистенциальной традиции концепция времени и связанные с ней проблемы «бытия-к-смерти», старения, страха, вины и одиночества человека; его экзистенциальное переживание любви-смерти; онтологическая (пережитая одной личностью) правда. Мироощущение, свойственное Ивашкевичу, соответствует комплексу экзистенциальных представлений о мире, свойственных Б. Паскалю, К. Ясперсу, М. Прусту, И. Бунину.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 444 с.
2. Больнов О. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 222 с.
3. Витт С. Предисловие // Ивашкевич Я. Соч.: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 1 / пер. с польск.; сост. и примеч. В. Британишского. С. 5-34.
4. Заманская В. В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. М.: Флинта; Наука, 2002. 304 с.
5. Ивашкевич Я. Соч.: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 3 / пер. с польск.; сост. Н. Подольской. 703 с.
6. Сучков Б. Л. Собр. соч.: в 3-х т. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. 525 с.
7. Хорев В. А. Становление социалистической литературы в Польше. М.: Наука, 1979. 364 с.
8. Domagalski J. Iwaszkiewicz w poszukiwaniu straconego czasu // Twórczość. 1994. № 2. S. 105-116.
9. Sandauer A. Od estetyzmu do realizmu // Poeci trzech pokoleń. Warszawa: PIW, 1962. S. 71-89.

EXISTENTIAL PROBLEMATIC IN STORY “AIR” BY YAROSLAV IVASHKEVICH

Loshakova Tat'yana Vital'evna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
North (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Branch) in Severodvinsk
tatyanaloshakova@yandex.ru

The author considers the range of ontological problems presented in the story –Air” by Ya. Ivashkevich and typical of his flash fiction in general. The specificity of the existential problematic in the story –Air” is revealed in the process of comparing Ivashkevich’s artistic conception with the aesthetic principles and ideas of the world peculiar to B. Pascal, K. Jaspers, M. Proust, and I. Bunin.

Key words and phrases: Ivashkevich; –Air”; problematic; existential consciousness; border situation; category of time.